

30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» обратилась к мемориальцам с вопросом о последних событиях в их региональных отделениях и о том, как они вписываются в общественно-политическую картину страны.

АНДРЕЙ БЛИНУШОВ, РЯЗАНСКИЙ «МЕМОРИАЛ»

«По моему мнению, невыученные уроки прошлых трагедий приводят раз за разом наступать на те же «грабли».

ОЛГА КОРЯКИНА, СОСНОГОРСКИЙ «МЕМОРИАЛ»

«В «Мемориале» состоит 15 человек из числа репрессированных, и новые репрессированные в нашем районе не являются».

АННА ПАСТУХОВА, УРАЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ»

«Уральский «Мемориал» ведет универсальный проект «Пространство памяти и свободы». Деятельность выполняют волонтеры: увековечение памяти жертв террора, осуществление в регионе программы «Последний адрес», защита и поддержка политзаключенных, информирование жителей Екатеринбурга о нарушениях прав человека».

АНАТОЛИЙ СВЕЧНИКОВ, КООРДИНАТОР ПРАВООЩИТНЫХ ПРОГРАММ УРАЛЬСКОГО «МЕМОРИАЛА»

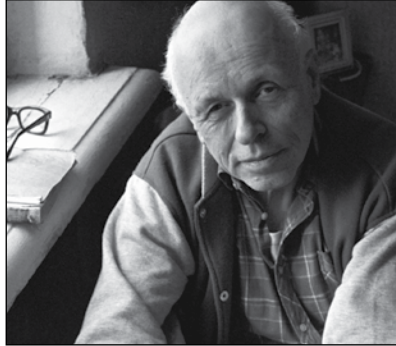
«В отношениях с властями можно выделить два направления: дискуссия вокруг строительства биатлонного комплекса на 12-м километре Московского тракта и попытки оштрафовать «Мемориал» за несоблюдение законодательства о так называемых «иностранных агентах».

Подробнее на с. 2

«МЫ НАЙДЕМ В СЕБЕ СИЛЫ ОТВЕТИТЬ ТРЕБОВАНИЯМ РАЗУМА»

К 100-ЛЕТИЮ АНДРЕЯ САХАРОВА

В 2021 году исполнится 100 лет Андрею Дмитриевичу Сахарову. К юбилею намечен целый ряд мероприятий и в России, и в мире. В декабре 2019 года исполнилось 30 лет со дня его смерти, а в январе 2020-го — 40 лет со дня высылки в Горький. Каскад круглых дат, связанных с одним именем, — повод для разговора о Сахарове не только как о выдающемся физике и гуманисте, но и как о живом человеке.

Начало 1980-х годов. Элитная школа в центре Москвы, где учатся дети работников ЦК и министерств. В нашем классе — обязательная ежедневная политинформация, которую в этот день ведет Н. Высокий мальчик интересуется внешней политикой и бойко рассказывает политические новости. Смешливый и немного дурашливый, в конце своего выступления Н указывает на вы-

ходящую из класса одноклассницу и громко шепчет: «А вы знаете, что она — внучка предателя родины?».

«Да отвали ты со своей политикой!» — прозвучали ответы убегающих одноклассников. «Да она же внучка Сахарова, которого сослали!» Ну внучка Сахарова, и что с того? Нам надо успеть булочку перехватить на перемене. Почему у меня этот эпизод отложился в па-

мяти, я не знаю. Дома у родителей я все же спросила о Сахарове. Они ушли от ответа, сказав: «Не лезь, не надо».

Девочку, на которую указал Н, звали Марина. Она не афишировала свое родство ни в ранние 1980-е годы, ни позднее. Впрочем, вопросы тогда, в школе, особенно никто и не задавал.

Через 40 лет после той политинформации у меня появилась возможность задать Марине Сахаровой-Либерман несколько вопросов. Марина окончила физфак МГУ и Бизнес-школу Стэнфордского Университета, сейчас она является одним из директоров Фонда Сахарова (США) и входит в состав официального Оргкомитета РФ по проведению столетия Сахарова.

— Марина, насколько ты была близка с Андреем Дмитриевичем? Пояснял ли он тебе свои взгляды? Было ли ваше общение заду-

Окончание на с. 4

Новая книга карельского историка Юрия Дмитриева «Место памяти Сандармох» была представлена в «Международном Мемориале». Юрий Дмитриев, сыгравший решающую роль в обнаружении этого места массовых расстрелов, с осени 2016 года подвергается преследованиям по ложным обвинениям (одно дело было уже прекращено в 2018 году, что не помешало Следственному комитету возбудить второе дело). Дело Дмитриева — очень известное, что было заметно по залу, который был буквально забит до отказа — люди не только сидели, но и стояли, занимая любой клочок свободного пространства.

Составитель Анатолий Разумов, руководитель центра «Возвращенные имена» при Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург), рассказал, что впервые эта книга, под названием «Место расстрела Сандармох», была издана Юрием Дмитриевым в 1999 году. «Он постоянно пополнял и уточнял эти списки. А новой книги все не было — не было време-

НОВАЯ КНИГА ЮРИЯ ДМИТРИЕВА О САНДАРМОХЕ

ни и сил. Когда Юру оправдали в 2018 году, он некоторое время был дома, и мы проговорили основные вещи. После этого работать над переизданием стало легче».

В книге приводится начало алфавитного списка расстрелянных, от А до В, над продолжением Дмитриев работает. Многие справки дополнены и уточнены по архивным и печатным источникам. Следом помещен ряд очерков и воспоминаний о расстрелянных. Рассказана история соловецких расстрельных этапов 1937–1938 годов. Впервые опубли-

Окончание на с. 6

В ГОСТЯХ У СТАЛИНА

5 марта, в день смерти Сталина, представители КПРФ и сочувствующие провели свое «традиционную», 19-е, возложение венков к памятнику на могиле своего вождя на Красной площади. Рядом, на Никольской улице, в течение семи лет Алексей Нестеренко еженедельно поводит одиночные пикеты. На Красной площади побывали Рустам Джалилов, корреспондент «30 октября», и психологи писатель Ева Левит. Они рассматривали мероприятие со своих сугубо профессиональных точек зрения.

Первая партия «возлагателей» венков во главе с Зюгановым была допущена к памятнику Сталину к 11 часам утра.

По словам офицера ФСО, на скоротечной акции, завершившейся речью руководителя КПРФ, присутствовало около 500 человек

(«Радио Свобода» приводит данные в 200 человек). Между тем полицейский, который не пропускал остальных желающих узреть цере-

Дорогие читатели! Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

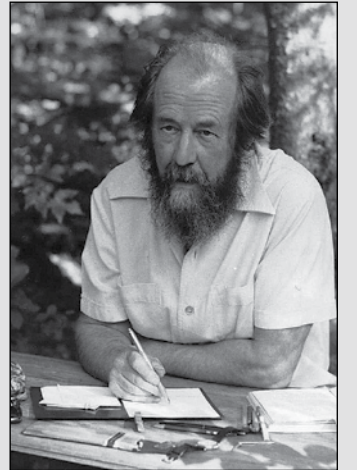
Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2020 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

- Скрипка Бромберга с. 3
- «...мои слова «жизнь отдам» — не шутка...» с. 7

- Цена города Хибиногорсна с. 8
- Мы и в ссылке старались быть счастливыми с. 9
- Книга о том, как я искал греков с. 10

монию (в том числе и корреспондента «30 октября») на подступах к коммунистическому кладбищу на Красной площади, сообщил, что на церемонию первоначально прошло до полутора тысяч человек. В ответ на вопрос, почему не пускают остальных, он сослался на ограничение со стороны ФСО. Правда, другой полицейский заявил, что пускать не всех сразу — это пожелание организаторов, то есть функционеров КПРФ.

Большую часть участников церемонии и составляли эти функционеры, среди которых были довольно молодые люди — члены молодежного крыла. Наряду с ними были и люди пожилые, что называется, просто сочувствующие.

Елизавета Ивановна, по ее словам, каждый год ходит «почтить Сталина».

Продолжение на с. 6, 11

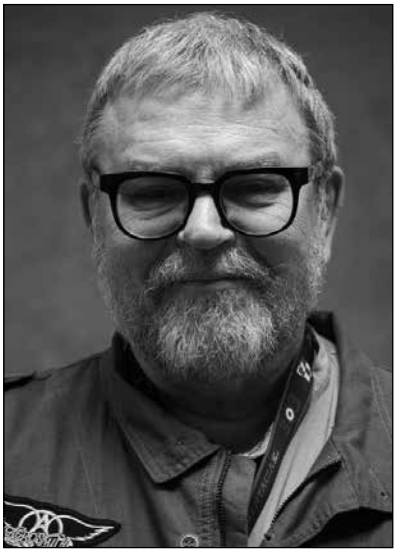
ПРЯМАЯ РЕЧЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

В этой рубрике «30 октября» мемориальцы делятся вопросами, на которые у них нет ответов, рассказами об успехах, которые могли бы пригодиться коллегам, ошибках, на которых надо учиться. Мы будем рады отклику из всех регионов и от всех организаций, независимо от числа членов или времени существования.

АНДРЕЙ БЛИНУШОВ, РЯЗАНСКИЙ «МЕМОРИАЛ»

Два «столпа», на которых стоит Рязанский «Мемориал». Первое — это работа по сохранению исторической памяти о советском государственном массовом политическом терроре, который был одной из самых тяжелых гуманитарных катастроф XX века. Второе — защита прав и свобод человека сегодня. Почему эта «двуединность» представляется нам принципиально важной? По нашему мнению, невученные уроки прошлых трагедий приводят к сегодняшним бедам и заставляют раз за разом наступать на те же «грабли».

Чего же значимого нам удалось достичь в работе по сохранению исторической памяти?

Например, добиться создания памятных территорий на кладбищах лагеря НКВД в Рязани; в Скопине, в Туме. Найти и добиться мемориализации мест захоронений жителей нашего региона, расстрелянных в годы Большого террора в Рязани. Добиться создания Памятного знака рязанцам — жертвам политических репрессий.

Выиграть десятки судов по признанию статуса жертв репрессий и пострадавших от политических репрессий. Помочь сотням семей обнаружить документы и сведения об их родных, сгинувших в ГУЛАГе и на спецпоселениях, раскулаченных, лишенных избирательных прав, высланных «за 101-й километр». 22 тысячи персональных биограмм были созданы при нашем активном участии и теперь доступны в Интернете на сайте проекта «Рязанский Мартиролог». О конкретных сюжетах, связанных с нашей работой по сохранению исторической памяти, можно узнать на специализированной мемориальной странице: www.facebook.com/tznpmemo

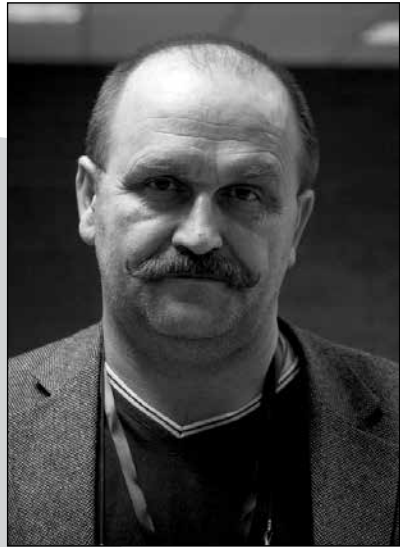
Теперь о второй базовой составляющей работы Рязанского «Мемориала». С самого начала, с далекого теперь 1989 года, к нам приходили люди, чьи права и свободы были нарушены чиновниками разных мастей. Для того, чтобы помочь этим людям, уже в 1990 году в «Мемориале» заработала областная общественная приемная по правам человека. За миновавшие годы в ней работали и профессиональные юристы, и студенты рязанских вузов, и волонтеры. В меру наших скромных сил помогали людям защищать свои права и свободы в делах самых разных направлений.

Но сил и ресурсов не хватало на все. Наступало время специализации и профессионализации. Я помню это так. Однажды летом мы возвращались глубокой ночью после какой-то форс-мажорной работы. И были поражены, увидев, как на свободные от транспорта улицы родные и друзья выносили инвалидов-колясочников. Они не могли тогда передвигаться по городу днем: близкие — на работе, пандусов в домах нет, тротуары разбиты, загрязнены и бесконечно прерываются высокими бордюрами. И часть мемориальцев всерьез занялась проблемами юридической помощи инвалидам и проблемами безбарьерной среды в городе. А потом с нами стал работать молодой юрист из бывших детей-сирот, сумевший отстоять свои жилищные права. Он и убедил нас в необходимости и возможности помогать в подобных делах другим детям-сиротам и оставшимся без попечения родителей. Так правозащитное направление работы Рязанского «Мемориала» стало специализированным. И, по-моему, мы достигли на этом поприще некоторых успехов.

При нашей поддержке более 300 сирот получили квартиры, более тысячи людей с инвалидностью добились защиты своих прав, десятки тысяч людей получили доступ к информации о репрессиях в нашем регионе. Мы консультируем, составляем жалобы в государственные органы, представляем интересы граждан в суде, издаем просветительские материалы. Только за 2019 год юристы Рязанского «Мемориала» провели 530 консультаций и выиграли 53 суда.

ИГОРЬ САЖИН, КОМИ «МЕМОРИАЛ»

У нас проходят различные мероприятия: лекции, экскурсии по «тропе памяти». Недавно проводили шествие в память о репрессированных священниках — шли с фотографиями первого из священников, погибших в лагерях.

Обычно власти нам не мешают, и нас это более-менее устраивает. Но иногда вмешиваются, как в случае с этим шествием. Мы хотели пройти от бывшего Троицкого собора до места расстрела. Власти же решили ограничить наш маршрут парой кварталов. Им это показалось достаточным. Мы обсуждали это и решили — давайте пойдем так, а потом, может, на других шествиях получится пройти больше. В других мероприятиях помех пока не видно. Прежняя региональная власть — та да, пыталась давить. Но после того, как в Коми пересадили всю властную верхушку, новая власть старается особо не грозить.

Мы сейчас несколько на отшибе и только следим за современными политическими репрессиями. Никаких особенных мероприятий не проводим. Даже в день, когда в других городах были марши памяти Немцова, у нас все ограничилось показом фильма о нем.

ОЛЬГА КОРЯКИНА, СОСНОГОРСКИЙ «МЕМОРИАЛ»

Честно говоря, никаких особых программ, кроме 30 октября, нет. Иногда нас приглашают в Совет ветеранов и на Уроки мужества в школах. В «Мемориале» состоит 15 человек из числа репрессированных, и новые репрессированные в нашем районе не появляются.

АННА ПАСТУХОВА, УРАЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ»

Уже три года неформальная (не имеющая юридического лица и поэтому не являющаяся «иностранным агентом») группа единомышленников, называющая себя Уральский «Мемориал», ведет универсальный комплексный проект «Пространство памяти и свободы». В основном это никем не финансируемая деятельность, которую выполняют волонтеры: увековечение памяти жертв террора, осуществление в регионе программы «Последний адрес», защита и поддержка политзаключенных, информирование жителей Екатеринбурга о нарушениях прав человека, обжалование в судах неправомερных действий силовиков, чиновников и представителей власти...

Мы участвуем в проекте «Международного Мемориала» — конкурсе исследований старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век», который ежегодно в регионе собирает много работ, — мы стабильно в тройке лучших... Несмотря на противодействие регионального руководства образования, нас в этом активно поддерживает Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Татьяна Мерзлякова, а «Ельцин-Центр» предоставляет свою площадку, дарит участникам конкурса подарки и бесплатные билеты в музей...

Гражданские активисты благодаря партнерам ежегодно посещают семинары по стратегии и менеджменту общественной работы, обучению практическим навыкам работы по социальным проектам...

Учителя и студенты, особо проявившие себя как волонтеры, летом участвуют в поездках по местам памяти в России и других сопредельных странах. Эта деятельность поддерживается партнерами и частными жертвователями, а многое осу-

ществляется за счет личных средств участников проектов...

В прошлом году активисты Уральского «Мемориала» посетили поселок Медное в Тверской области, где были расстреляны польские офицеры, Музей ГУЛАГа, выставки «Международного Мемориала» в Москве, места памяти в Эстонии... А в этом году намечены две поездки: Москва—Медное—Сандармох—Соловки и Томск—Новосибирск—Иркутск.

Студенты, преимущественно историки, пожелавшие стать волонтерами Уральского «Мемориала», летом поедут в экспедиции в места лагерей в Свердловской области (Тавда, Ивдель). Эти экспедиции, возможно, будут международными, так как историки Молдовы, Эстонии, Литвы и других стран теперь ежегодно будут приезжать на конференцию по истории сталинизма, которая постоянно будет проводиться в «Ельцин-Центре», хотя посещать территории сталинских лагерей и лагерных кладбищ на севере области, ставить мемориальные знаки.

Ежемесячно по 6-м числам мы выходим в центре города на информационные пикеты «Стратегия-6» в поддержку политзаключенных. Правозащитные действия осуществляются активистами в рамках проекта «Екатеринбург за свободу!». Эта часть сообщества во время массовых задержаний на публичных протестных акциях ведет мониторинг и осуществляет общественную защиту преследуемых активистов в партнерстве с «ОВД-Инфо». Был организован курс обучения общественных защитников, часть из которых освоила процесс подачи жалоб в Европейский суд.

АНАТОЛИЙ СВЕЧНИКОВ, КООРДИНАТОР ПРАВАЗАЩИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ УРАЛЬСКОГО «МЕМОРИАЛА»

В отношениях с властями можно выделить два направления: дискуссия вокруг строительства биатлонного комплекса на 12-м километре Московского тракта и попытки оштрафовать «Мемориал» за несоблюдение законодательства о так называемых «иностранных агентах». Что касается биатлонного комплекса, то первые сведения о нем появились в конце 2018 — начале 2019 года, когда были назначены слушания по переводу земельного участка из одной категории в другую. Проблема в том, что речь идет о земле, где власти, несмотря на неоднократные обещания, все еще не могут установить границу захоронений репрессированных.

Сейчас, после масштабного общественного возмущения, власти вышли на разговор (с нами общается заместитель губернатора по внутренней политике Сергей Бидонько). Пока речь идет о том, что власти выделяют средства на установление границ захоронений, на проект реконструкции мемориала репрессированным. Но это может тянуться не один год. А пока там открыли тир, где тренируются ребята из некоего «Стрелкового клуба Михаила Архангела», связанного с господином Алтушкиным, бизнесменом, который недавно пытался протолкнуть строительство храма в екатеринбургском сквере (и «в нагрузку» — коммерческой недвижимости). Поэтому есть ощущение, что там хотели построить именно коммерческую недвижимость, а разговоры о спорткомплексе были отвлечением внимания — ведь для спорткомплекса, как мы выяснили, менять назначение земельного участка не надо было. Тем более что один такой случай уже был — обещали построить теннисный центр имени Ельцина, а построили жилой комплекс.

Что касается штрафов и судов, то изначально на нашу организацию и ее сотрудников было составлено 10 протоколов. Похоже, что эта идея возникла примерно тогда же, когда было решено заду-

шить штрафами «Международный Мемориал». Четыре протокола Роскомнадзор вернул, и в итоге их осталось шесть, распределенных по трем судам. В Кировском районном суде судья 17 февраля закрыл дело о штрафе на юридическое лицо, поскольку наши юристы доказали, что связи между этим юристом и аккаунтом в «Фейсбуке», который ведут абсолютные частные люди, нет никакой. 3 марта суд также закрыл дело и об иске к должностному лицу. Не знаю, было это из-за того, что кто-то приказал суду отозвать дело, или они сами поняли, что это глупо выглядит. В Октябрьском суде, по неофициальной информации, «их» два протокола отказались принимать — возможно, увидев результаты разбирательства в Кировском районном суде. 5 марта Верх-Исетский райсуд Екатеринбурга назначил обществу «Мемориал» штраф в размере 300 тысяч рублей по делу об «издании НКО, выполняющей функции иностранного агента, материалов и их распространении без соответствующей маркировки». Глава общества Анна Пастухова оштрафована на 100 тысяч рублей по той же статье.

Реакция на «московское дело» и иные политические процессы у нас, конечно, более активная в социальных сетях, чем на улице, но есть и там. В нашем регионе сидит несколько человек, осужденных по «московскому делу». У нас проходят одиночные пикеты. Так 15 марта стал днем проведения второго в серии пикетов, посвященных памяти о жертвах государственного террора, убитых в здании на Ленина, 17.

Кроме поминовения убитых, целью пикетов было напоминание властям требования установить памятную доску о страшных событиях, происшедших в этом комплексе зданий.

С 2013 года каждое шестое число месяца мы проводим митинги в память о задержаниях на Болотной площади 6 мая. В рамках акции «Екатеринбург за свободу!» мы каждый раз по мере продвижения «московского дела» добавляли портреты новых осужденных.

В этом году у нас марш памяти Немцова превратился в трехдневное мероприятие. 27 февраля мы провели в центре «Вахту памяти» в виде пикетов. Участвовали 25 человек, и далеко не все они были активистами. Власти, похоже, плюнули и не вмешивались. 27 и 28 февраля прошли кинопоказы фильмов о Немцове, и оба раза зал был забит. Сам марш, прошедший 29 февраля, нам отказались согласовывать в центре и отправили в довольно далекий спальный район. Но даже туда на марш, по разным подсчетам, собралось от 400 до 500 человек. Если бы нам разрешили марш в центре, то, несомненно, пришло бы больше людей.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Андрей Блинушов,
Игорь Сажин, Ольга Корякина,
Анна Пастухова, Анатолий Свечников.

Фото Натальи Йозеф
и из личного архива О.Корякиной

СКРИПКА БРОМБЕРГА

В «Международном Мемориале» проходит выставка «Скрипка Бромберга. Жертвы антиеврейских кампаний 1920–1950 гг. в СССР». Главная тема выставки — это преследование евреев советским режимом за принадлежность к «враждебным» национальным, религиозным и культурным движениям. В экспозиции представлены малоизвестные архивные документы, уникальные музейные артефакты и редкие печатные издания, многие из которых демонстрируются впервые.

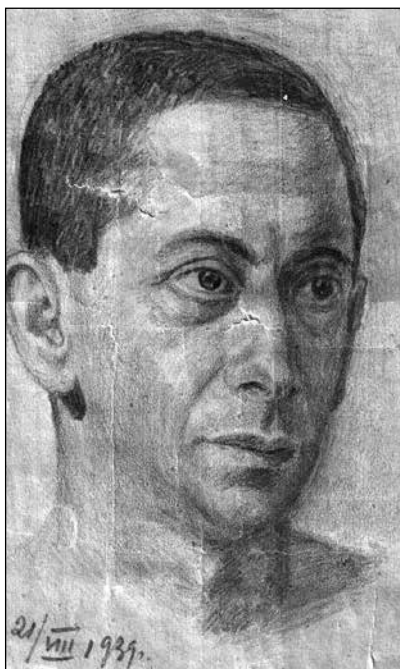
Выставка «Скрипка Бромберга. Жертвы антиеврейских кампаний 1920–1950 гг. в СССР» открылась с исполнения адажио соль минор Иоганна Себастьяна Баха и романа «Воспоминание» Вениамина Бромберга. Куратор выставки Борис Беленкин, член Правления «Международного Мемориала», отметил, что выставка рассказывает о периоде, «который вместил очень много больших и малых трагедий — от Холокоста до отдельных репрессий или акций террора местного масштаба, погромов».

Основная тема выставки — преследования, которым подвергали евреев в СССР за реальную вначале, а затем все больше сфабрикованную принадлежность к тем или иным движениям — национальным, религиозным, культурным, политическим, которые советский режим считал враждебными.

У экспозиции довольно сложная структура, чем-то отдаленно напоминающая строение земли: внутри ядро, вокруг которого расположена мантия.

ЯДРО ЭКСПОЗИЦИИ

Центральным эпизодом экспозиции стала судьба писателя, художника и музыканта, активного члена сионистской партии и многолетнего узника ГУЛАГа Вениамина Бромберга (1904–1942). Уроженец Херсона, 13-летний Вениамин Бромберг в феврале 1917 года вместе с братьями вступил в союз сионистской учащейся молодежи «Гистадрут» в Херсоне. Позже был избран в руководящий состав союза, занимался агитацией среди еврейской молодежи. После образования в 1923 году «Сионистско-социалистической партии» (ЦСП) вошел в ее состав. В 1924 году избран в ЦК ЦСП. В 1926 году арестован в Киеве. Приговорен к трем годам политизолятора (отбывал срок в Ярославле и Суздале). Во время заключения занимался чтением, радиотехникой, французским и английским языками, сочинял музыку. По окончании срока отправлен в ссылку в Центральную Азию (сначала на три года, потом еще на три). Отбывал ссылку в Ашхабаде, Ташаузе, Андижане, Ташкенте. Работал экономистом, давал скрипичные концерты. В 1930 году в ссылке женился на Белле Бромберг. После освобождения в марте 1935 года работал в краевой конторе Госбанка Новосибирска, затем в Калининне. После увольнения в августе 1937 года переехал в Алматы. В марте 1938 года арестован. По сфабрикованному обвинению в участии в сионистской организации был приговорен к смертной казни. В дальнейшем приговор был изменен на 20 лет ИТЛ и лишение политических прав на 5 лет. В августе 1940-го был доставлен на Колыму.

В лагере был руководителем джаз-оркестра. В 1942-м был арестован в лагере Нечаянный, обвинен в антисоветской деятельности, приговорен к смертной казни и расстрелян. В 1956 году реабилитирован по делу 1938 года. В 1989 году — по делу 1942 года. На выставке можно увидеть его письма, рукописи литературных и музыкальных произведений, скрипку, прошедшую вместе с ним несколько политизоляторов и давшую название выставке, и даже сделанные им в тюрьме мозаики из яичной скорлупы.

Здесь же некоторые материалы, рассказывающие о деятельности сионистских организаций в раннесоветский период — партийный «самиздат» и... записка зампреда ГПУ Украины К.М.Карлсона, направленная в 1925 году генеральному секретарю ЦК КП(б)У Л.М.Кагановичу. Записка содержит статистические сводки и социально-политические характеристики еврейского населения Украины.

Фотографии, документы и краткие биографические справки рассказывают о жертвах репрессий 1930-х годов (главным образом Большого террора) — религиозных активистах, членах еврейских политических партий и организаций. Среди них можно отметить последнего главного раввина Московской Хоральной синагоги (фактически — главного раввина Москвы), избранного ее общиной, — Шмарьягу-Лейба Медалье, арестованного и расстрелянного во время Большого террора в 1938 году (жертвами террора оказались и трое его сыновей: один, раввин Ростова Моше Медалье, был расстрелян, еще двое — Авраам и Берл Медалье — провели много лет в лагерях ГУЛАГа).

Еще одной темой экспозиции стала советская политика в отношении «лояльных» евреев: вначале

широкая поддержка национального и культурного развития, а затем, в 1940-х, — резкий поворот к юдофобии.

Среди экспонатов — архивные документы, книги и периодические издания, пластинки, театральные программы из фондов «Мемориала». Здесь же театральные афиши театров ГОСЕТа и «Габимы», и периодические издания на идиш (из Музея истории евреев в России), и книги еврейских писателей, и несколько работ художника Меира Аксельрода, и плакаты на идиш, характеризующие изменения в жизни еврейских местечек, и материалы, посвященные проекту по созданию Еврейской автономной области на Дальнем Востоке. Решение о масштабном переселении евреев на Дальний Восток в качестве своеобразной альтернативы сионистскому проекту было принято в 1928 году. В 1930 году на заселяемых землях был создан Биробиджанский национальный район, преобразованный в 1934 году в Еврейскую автономную область. Хотя масштабного заселения области евреями не произошло и сейчас их численность составляет около 1% населения области, ЕАО до настоящего момента остается единственным в мире еврейским административно-территориальным образованием вне Израиля.

Эпоха Второй мировой войны, как отметил Борис Беленкин, отражена в судьбах бывшего члена Еврейской социалистической рабочей партии и гласного Крымского земского собрания времен Гражданской войны Б.Я.Лядского, арестованного 26 июня 1941 года (приговор 5 лет ИТЛ), и будущего премьер-министра Израиля Менахема Бегина. Бегин, в 1939 году ставший руководителем молодежной организации так называемых сионистов-ревизи-

онистов (последователей писателя Владимира Жаботинского), после вторжения нацистов в Польшу бежал в Вильнюс. После присоединения Литвы к СССР в 1940 году Бегин был арестован и в 1941 году приговорен к 8 годам лагерей как «агент британского империализма» и «социально-опасный элемент». Как ни парадоксально, этот приговор спас Бегину жизнь — в противном случае он почти со стопроцентной вероятностью стал бы одним из погибших во время Холокоста евреев. Бегин провел несколько месяцев в Печорлаге, пока не был освобожден как польский гражданин в связи с подписанием в августе 1941 года соглашения советского правительства и польского эмигрантского правительства о формировании польской армии в СССР (так называемая армия Андерса). В 1942 году Бегин в составе этой армии, выведенной из СССР, прибыл в Палестину, где и остался. Он описал свой арест и пребывание в ГУЛАГе в книге «В белые ночи», написанной в 1953 году (в 1978, 1991 и 2013 годах книга издавалась на русском языке). В 2013 году на берегу реки Печора, на том месте, куда во времена ГУЛАГа приставали баржи с заключенными, была установлена плита с упоминанием Менахема Бегина как одного из «подневольных строителей Печорского моста».

Факты из биографии Бегина иллюстрируются фотокопиями протокола заседания Особого совещания НКВД, приговорившего его, как социально опасного элемента, к 8 годам исправительно-трудовых лагерей.

В послевоенной волне репрессий арестам подверглись бывшие члены небольшевистских еврейских партий. В экспозиции это случай А.А.Дасковского, бывшего члена сионистской организации. На выставке можно увидеть домик, склеенный из спичек, — лагерный «сувенир», сделанный его руками.

Арестовывали в это время также в рамках советской послевоенной политики государственного антисемитизма. Тут представлен протокол обыска квартиры умершего в тюрьме члена Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Г.М.Жица с перечислением изъятых материалов на еврейские темы. Жиц был приговорен в 1949 году к 15 годам ИТЛ и умер в тюрьме.

Письмо из заключения бывшего заместителя директора автомобильного завода имени Сталина (ЗИС) Г.З.Шмаглита Н.С.Хрущеву с рассказом о том, как против него фабриковали обвинение в националистической деятельности. Шмаглит был обвинен в 1951 году как участник еврейского заговора в автомобильной промышленности и приговорен к 25 годам заключения. Представлены материалы об истории студента А.Е.Фельдмана (впоследствии одного из руководителей Московского объединения лиц, пострадавших от политических репрессий), арестованного в конце 1940-х, приговоренного к 25 годам каторжных работ по обвинению не только в «еврейском национализме», но и в терроризме и отбывавшего этот срок в Кенгирском лагере до реабилитации в 1956 году. К этому же времени относятся письма евреек С.Р.Хляп и Э.Е.Фукс, а так-

же «коммуниста-правозащитника» С.П.Писарева в адрес Сталина и газеты с протестом против антисемитизма. Хляп и Писарев после следствия были направлены на принудительное лечение в психиатрические лечебницы. Фукс получила 25-летний лагерный срок.

К этому периоду относятся фотографии юных участников «Союза борьбы за дело революции», который следователи превратили из марксистского кружка в «еврейскую антисоветскую террористическую молодежную организацию». Трое были расстреляны, остальные (старшие школьники и студенты) приговорены к многолетним срокам заключения.

МАНТИЯ

Основной экспозиции предшествует своеобразный пролог, рассказывающий о событиях времен революции и Гражданской войны. Здесь можно увидеть номер «Вестника Временного правительства» от 22 марта 1917 года, где было опубликовано постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений, снявшее все ограничения, ранее тяготившие над евреями, плакат «Центрального комитета сионистской организации в России» с текстом декларации Бальфура — обещание Великобритании о выделении Палестины под «еврейский национальный очаг», листовки «Бунда» времен Гражданской войны. («Бунд» — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России — еврейская социалистическая партия, действовавшая в 1890-х — 1930-х годах и выступавшая за еврейскую национально-культурную автономию. На территориях, подконтрольных большевикам, члены левого крыла Бунда в 1920 году вошли в РКП(б), составив основу для так называемых евсекций, борющихся в 1920-х с сионистами и религиозными активистами.)

Эпилог же экспозиции иллюстрирует возросшую после XX съезда активность советских евреев, ориентированных уже не столько на интеграцию в советское общество, сколько на репатриацию в Израиль. Итогом, как известно, стала масштабная еврейская эмиграция в конце 1980-х — начале 1990-х, когда люди уезжали «слоями», а численность еврейской общины на территории бывшего СССР уменьшилась в разы.

Работа выставки продлится до сентября 2020 года.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Экспонаты выставки: Удостоверение ответственного секретаря ЕАК А.Б.Эпштейна. С подписями С.Михоэлса и Л.Квитко, 1944. Скрипка В.Ф.Бромберга, побывавшая с ним в заключении в 1926–1931. Мануфактурная подделка скрипки Гварнери, конец XIX — начало XX вв. Спичечный домик. Сделан А.А.Дасковским во время заключения в Тайшетлаге, привезен после освобождения. Начало 1950-х.

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

➤ Продолжение. Начало на с. 1

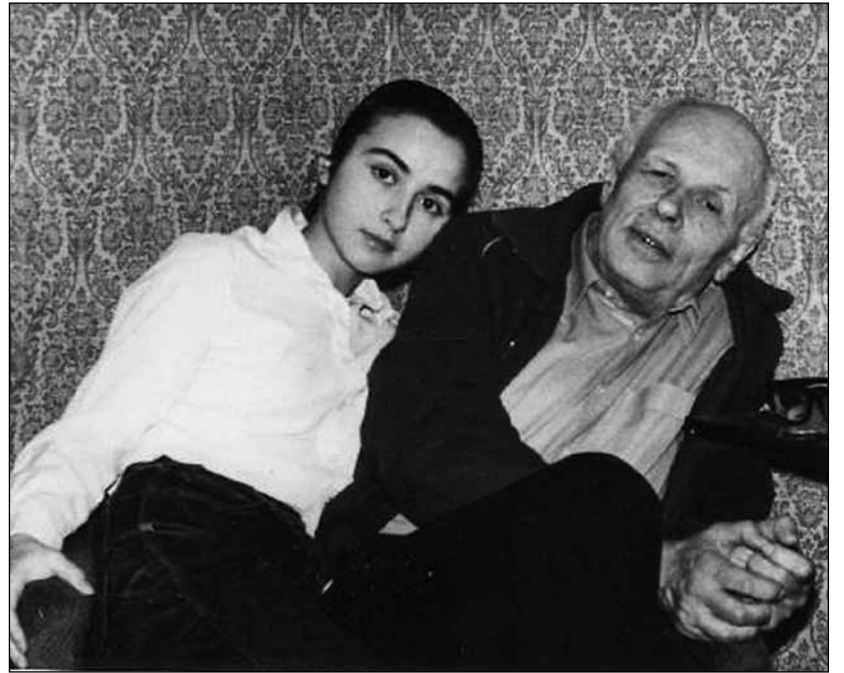
шевным, с долгими разговорами и прогулками или же отстраненным: «дедушка работает?»

— Дедушка стал инакомыслящим — или свободномыслящим — задолго до ссылки в Горький в январе 1980 года. Его выступления в печати и закрытые докладные Хрущеву в совокупности с его высочайшей экспертизой создателя советского водородного оружия подтолкнули советское руководство на подписание договора о запрете ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой («Московский договор» 1963 года). Год моего рождения совпал с публикацией его наиболее известной работы «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Дедушке не нужно было пояснять мне свои взгляды — они

ли мне: «Ни в коем случае не повторяй «это» в школе». Дома и на дедушкиной даче «антисоветчина» лилась свободными потоками, а я старалась все запомнить. В 1970 году дедушка стал сооснователем Советского комитета по правам человека. На его имя пошли со всей страны письма. Часто на конверте стояло только «В Комитет по правам человека. Сахарову». Письма копились в картонных коробках на даче — и я их читала. Тайком, поскольку родители предпочли бы избежать лишних сведений, которыми я могла бы поделиться в школе. Письма простых людей, которых наказали за излишнюю прямоту или за неосторожно рассказанный анекдот, шокировали меня. Особенно тяжело было читать письма людей, которых помещали в психиатрические спецбольницы и начинали там «лечить»: в СССР было распростра-

сти невинным людям. Я не заводила разговоры о дедушке — или тем более его деятельности — в школе. Я гордилась дедушкой и была убеждена в его правоте, но не считала себя вправе «подставить» знакомых даже тем, что поделилась бы с ними лишней информацией. Я ведь знала из писем в Комитет по правам человека, как в СССР могло быть наказано свободомыслие.

Чтобы было нагляднее, что могло повлечь за собой общение с родственниками Сахарова, расскажу забавный случай, связанный не со мной, а с моим младшим братом, и добавлю: у меня был позднее практически такой же (даже еще более парадоксальный, очень смешной и немного романтичного окраса...). Мамин брат, оставшись на даче «без присмотра» после ссылки дедушки, любил приглашать туда веселую компанию. К нему зачастил некто, назовем его Ж.Г., сын заслуженного музыкан-

«МЫ НАЙДЕМ В СЕБЕ СИЛЫ ОТВЕТИТЬ ТРЕБОВАНИЯМ РАЗУМА»

К 100-ЛЕТИЮ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА

пропитывали всю нашу жизнь. Уволенный из института в Сарове за публикацию «Размышлений», дедушка уже работал не так интенсивно, у него появилось время и на прогулки, и на разговоры. В моем раннем детстве мы много времени проводили вместе на даче. Дедушка любил читать мне разные детские стихи, и мы их вместе иллюстрировали — оба левыми руками.

Когда дедушку сослали в Горький, мы с мамой ездили к нему в гости, обычно нагруженные сумками с продуктами из Москвы (в Горьком с продуктами было неважно), на школьные каникюлы. В Горьком было много свободного времени для общения — иногда мы гуляли вдоль Оки, с приемником для компании, владели от персональной глушилки, установленной над дедушкиной квартирой, послушать новости по «вражьи голосам» (так называли «Голос Америки» и «Радио Свобода»). По вечерам мы собирались в гостиной посмотреть программу «Время» или послушать музыку. Персональная глушилка вызывала помехи и на телевизоре. «Нам глушат программу «Время!» — громко звал из своего кресла дедушка, с улыбкой до ушей. Глушилку на время отключали, и новости лились с кристально чистым звуком. В следующее мгновение Елена Георгиевна из своего кресла вставляла меткий и непечатный комментарий в адрес советских руководителей. В наказание глушилку снова включали...

— 40 лет назад, 22 января 1980 года, Сахаров был выслан в Горький (Нижегород). Что говорили тебе твои родители дома в связи с гонениями на твоего деда?

— Я помню осеннее утро в 1975 году. Мама вела меня в школу — я недавно пошла в первый класс — и не удержалась: «Дедушка получил высочайшую награду, Нобелевскую премию мира». В семь лет я уже сформировала определенное мнение: «Он что, много хвалил советское правительство?» (Я видела по телевизору в ежедневных скучнейших новостях, что это было необходимо для предпосылкой награды.) Мама в панике запнулась, но все же ответила честно: «Нет, наоборот — за критику советского правительства. Пожалуйста, никому не рассказывай». С тех пор родители часто напомина-

ли мне использование психиатрии в политических целях.

Я выработала свою «тактику»: вольные разговоры велись только на даче. И это было счастьем. В школе я помалкивала настолько, что общаться со мной, наверное, было нелегко! Я также увлекалась чтением самиздата, но в особенности тамиздата. Среди книг, которые мне доставили огромное удовольствие, были «Номенклатура» Михаила Восленского и «Зияющие высоты» Александра Зиновьева. Я читала все подряд, что могла найти у дедушки и с чем могла скрыться в туалете, запершись на пару часиков.

В январе 1980 года, в 11 лет, у меня уже были сложившиеся убеждения. Одно из них — что дедушка абсолютно прав... В те же годы я нашла в комодике и прочитала несколько черновиков его статьи «Против смертной казни». С того момента у меня тоже никогда не было колебаний, что я против высшей меры наказания, как и против излишней суровости приговоров за любые преступления.

Я отлично помню тот день, когда объявили о ссылке Сахарова. Я возвращалась домой с вечерних занятий в художественной школе на улице Красина. Мы с девочками шли к троллейбусной остановке на Садовом кольце. Я о чем-то беседовала с подружкой, идущей рядом со мной, когда услышала разговор девочек, идущих сзади: «...и представляешь, стал академиком в 32 года, все у него было — и решил стать предателем родины. Вот наконец его и наказали!» От неожиданности я остановилась — мне было ясно, о ком идет речь. «Дедушка», — пробормотала я. «Ты что, с ума сошла. Какое это к тебе имеет отношение?» — воскликнули одноклассницы, но я уже не могла поддерживать разговор и побежала к остановке. Родители дома сидели, окаменев, слушая занудный монолог программы «Время», где сообщалось о лишении Сахарова всех правительственных наград.

— Ты хорошо дистанцировалась от людей — это было заложено родными или это свойство твоего характера?

— Ни то ни другое. Я обожаю хорошую компанию и окружена друзьями. «Дистанционность» в 1980-х — это был короткий, вынужденный период, чтобы не сказать лишнего самой и не доставить неприятно-

сти и сам подающий надежды музыкант. Прошло немного времени, и Ж.Г. вызвали «куда следует» и потечески предложили задуматься, с кем он акшается (с сыном антисоветчика), в то время как заботливое правительство выпускает его, юного, но подающего надежды музыканта на гастроли! Да еще в западные страны!! Парень был напуган и обещал, что подумает и больше так не будет. Он сдержал слово и больше никогда не появился на даче в Жуковке, как и вообще в СССР — свалил на следующие же гастролях, отделившись от «хвоста!» «Известия» напечатали небольшую заметку о «лженаследнике» — как было и в случае со сбежавшим с гастролей другим нашим соседом — Максимом Шостаковичем. Правда, отец Максима Дмитрий Дмитриевич к тому моменту уже ушел из жизни, а вот отцу Ж.Г. пришлось отречься от лженаследника... Десятилетия спустя я услышала эту историю из первых рук, играя в бадминтон с женой Ж.Г.

ПОЕЗДКИ В ГОРЬКИЙ

— Ты ездила в Горький к Андрею Дмитриевичу Сахарову в годы ссылки с 1980 по 1986 год. Должны ли были ты и твоя мама проходить какие-то инстанции, чтобы получить разрешение? Как вы общались во время ссылки?

— Как только закончилась программа «Время» в тот вечер 22 января 1980 года, мама бросилась дознаваться всем по очереди, чтобы получить информацию об отце. Но ничего не было известно. Через несколько дней от дедушки пришла телеграмма, а вскоре его жена Елена Георгиевна вернулась в Москву собирать вещи. Так началась и ее «кочевая жизнь», и наши регулярные поездки в Горький. Органы уведомили брата Андрея Дмитриевича и его детей (мою маму, ее сестру и брата), что им разрешены визиты в Горький. У входа в квартиру сидел за крошечным столиком участковый, который с серьезным видом проверял мамин паспорт и мое свидетельство о рождении перед тем, как нам позволялось сделать еще шаг вперед и нажать кнопку звонка. Кажется, этот абсурдный ритуал выполнялся только в несколько первых приездов, потом мы только называли свои имена — так или иначе о нашем приезде участковому сообщали «свыше».

Дедушкин коллега из ФИАН¹ — очень нежно относившийся к нему Нобелевский лауреат Виталий Лазаревич Гинзбург добился ходатайства от АН СССР в ЦК позволить Сахарову продолжить заниматься научной работой и настаивал, что для этого необходимо научное общение. Гинзбург ездил сам и организовывал поездки других физиков, с кем, как он считал, дедушке будет интересно общаться. В промежутках между нашими поездками я писала дедушке еженедельные письма, а он писал мне в ответ — очень интересно и подробно.

Я бы не хотела, чтобы от моего описания тепла, близости и юмора в наших горьковских поездках сложилось впечатление о некой идиллии ссыльной жизни. Жизнь дедушки и Елены Георгиевны в Горьком была очень трагичной. Власти старались заставить их обоих «замолчать», лишить их возможности высказывать свое мнение. Елена Георгиевна была серьезно больна и не могла получить требующейся медицинской помощи. Дедушка несколько раз объявлял голодовки, пытаясь изменить их ситуацию, и то, что он перенес со стороны властей и врачей, у меня нет сил описывать. Скажу только, что моя мама находилась на грани нервного срыва в течение многих месяцев, не зная, что происходит с ее отцом. В периоды насильственной госпитализации мы не могли приезжать в Горький.

— Отмечала ли ты слезку за собой и другими членами семьи?

— То, что Сахаров находился под гласным и негласным наблюдением, воспринималось как данность. Это началось, естественно, еще с тех лет, что дедушка начал работать на «объекте» над ядерным оружием в начале 1950-х. Официально к нему были приставлены два «секретаря», которые являлись телохранителями, которые повсюду его сопровождали. Это доставляло неудобства как дедушке, так и другим его коллегам. Моя бабушка больше нервничала из-за негласной слежки — ее, как и мою маму, сводили с ума исчезающие тени на террасе, шорохи, ощущающееся повсюду присутствие посторонних... Дедушка воспринимал это с научным интересом: налаживал тонкую леску на

ящиках комода, чтобы убедить себя, что туда лазали в его отсутствие, с лупой разглядывал на ковре табачный пепел — в семье никто не курил. А вот моя бабушка Клавдия Алексеевна, как и моя приемная бабушка, Елена Георгиевна, не воспринимали слежку так спокойно — обе боялись, что их убьют, чтобы было легче манипулировать Андреем Дмитриевичем. И моя мама очень нервничала, уж не знаю почему? Если она слышала среди ночи на даче шорох, она одевалась в темноте, будила меня, просила меня одеться и так и сидела до рассвета. На рассвете мы спускались вниз и видели в запертом снаружи кабинете дедушки полосу включенного света и открытое окно. Очевидно, что кто-то посетил кабинет, забравшись ночью в окно, прошерстил бумаги и удалился, забыв выключить свет. Это было малоприятно, но обыденно. Лично за мной, как я предполагаю, никто не следил. А вот за дедушкой следило какое-то феноменальное количество оперативников. Если в Горьком мы ехали на дедушкиной машине, чтобы прогуляться в лесу, за нами, не скрываясь, тащилась светло-серая «Волга», а затем, на приличном расстоянии, пока мы шлепали в ботах и теплых куртках через лужи и с интересом изучали разные виды мхов и прочей растительности в перелеске, за нами с очень скусающими лицами тащились несчастные молодые парнишки в темных костюмах, которые совершенно не вязались с лесной прогулкой. Я высадила какой-то вид мха, который мне понравился, в цветочном ящике на дедушкином балконе. Летом дедушка послал мне в Москву телеграмму: «Твой мох зацвел». «Шифрованную» телеграмму не доставляли нам несколько недель, пока не решили, что это все же не «Энигма»!

— Сказались ли такие родственные отношения на жизни родителей?

— Ты имеешь в виду, бывали ли у них неприятности? Родители хотели бы жить обычной жизнью — работать, путешествовать. Мама и папа стали обсуждать эмиграцию. Это было около 1972 года, когда мою маму выгнали из аспирантуры МГУ — ее начальница объяснила ей, что завлабораторией хочет избираться в АН СССР и дочь Сахарова ему тут не нужна. (Должен признать: впоследствии

мы. Но эффект был феерический: за «инициативу на местах» школе «дали по шапке» — внезапно на урок ворвалась бледная как мел завуч: «Марина, где твои документы? Все уже оформлены в Чехословакию, а твоих документов нет — немедленно езжай и привези». (Можно было подумать, что я сама хулиганским способом вычеркнула себя из списков!) Таким образом, нашу группу увеличили на одного человека, и я поехала. Тем не менее год спустя парторг школы — очень талантливая, но столь же беспринципная учительница по литературе — приложила все усилия, чтобы мне не дали золотой медали. Кульминация была на устном экзамене: «Все ясно, заслуженная пятерка», — подвел черту наш директор Полекин. «Нет, Антон Петрович, вы ошибаетесь. И я объясню, почему этому человеку нельзя позволить получить золотую медаль». Этот живой диалог происхо-

ло отразиться на наших отношениях. Но я видела, что мою маму такие статьи очень ранили — ей было больно, что ее отца травят такими низкими способами.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

— Никто не мог предвидеть перемен после 1985 года, но ты поступила на физический факультет МГУ. Каковы были твои перспективы как физика, если бы не начались политические изменения в СССР? Ведь это были годы, когда Сахаров уже вернулся из ссылки. Или так ничего и не изменилось?

— Я не думала о «перспективах» в СССР: с начала 1980-х я видела, как люди боялись лишнего общения с нашей семьей, которое могло бы повредить их карьере или шансам на заграникомандировку. Поэтому мне так запомнился разговор в марте 1983 года с А.Т. — пле-

ло его намного больше, чем возраст в паспорте.

— Возвращение Сахарова из ссылки для всех нас было символом начала новой эпохи, признания открытости и гуманизма как главных идей. Был ли этот период таким «сплошным оптимизмом» и верой в светлое будущее?

— Когда дедушка вернулся из ссылки, мне едва исполнилось 18 лет. В этом возрасте разве не все оптимисты? Интереснее вопрос, был ли оптимизмом дедушка? То, что он брался, казалось бы, за безнадежные начинания, в первую очередь отражает его осознание долга, чести, личной ответственности. Вера в будущее? Я убеждена, что он был оптимист. Свою Нобелевскую лекцию дедушка заключил такими словами: «...мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, [чтобы] осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели».

Я разделяю веру дедушки в то, что в критический момент мы найдем в себе силы ответить требованиям Разума, и это остается основой моего оптимизма. Я также убеждена, что коллективный разум обладает большей силой, чем индивидуальное лидерство. Я за то, чтобы воспитывать в людях умение находить компромисс, идти навстречу друг другу, искать то, что объединяет, а не противопоставляет личности, религии, страны...

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

— Как сейчас ты оцениваешь то, что происходит в России? Не кажется ли тебе, что произошло возвращение в те самые времена, когда даже школьники «пинали» имя Сахарова? Все эти аресты за слова, фокус на вооружении, навешивание ярлыков «иностранных агентов», или русофобов, или «пятой колонны» на всех, чье мнение отлично от государственного шаблона...

— Фонд Сахарова — организация, которая только поддерживает Сахаровский центр в Москве. И Сахаровский центр — неполитическая организация. Я вижу нашу задачу в развитии интереса у широких кругов, особенно молодежи, к недавней истории России. У нас есть возможность рассказать о массовых репрессиях сталинских времен, о гонениях на политических оппонентов эпохи застоя. Мы также можем и предоставляем возможность встречаться и обсуждать свои темы организациям, у которых иначе не было бы места и возможности открыто обсудить свои проблемы. Это не означает, что мы полностью их поддерживаем или разделяем ту или иную точку зрения. Это продолжение сахаровских традиций терпимости и уважительного отношения ко всем. У Сахарова как-то спросили: «Почему вы выступили в защиту N? Ведь он — украинский националист, а вы говорите, что вы не разделяете эту позицию». «Я выступил в его защиту», — спокойно ответил Сахаров, — потому что N посадили за его слова. Я защищаю свободу слова. Как только его выпустят, я его тут же забуду!»

Наша задача — донести до людей, особенно молодых, исторические факты и научить их независимо мыслить. Каждый имеет право на свои суждения, и живая, хорошо аргументированная дискуссия гораздо ценнее, чем пустые слова похвалы или осуждения.

— Может ли служить напоминание о деятельности Сахарова как правозащитника своего рода толчком к пробуждению сознания людей? Насколько актуально понятие «моральный авторитет», часто используемое в связи с именем Сахарова?

— В 1975 году Нобелевский комитет назвал Сахарова «совестью человечества». Сахаров по праву стоит в одном ряду с Нельсоном Манделой, Махатмой Ганди и Мартином Лютером Кингом. В то же время их имена, а главное — их деятельность, их идеалы знакомы и понятны людям намного больше, чем история Сахарова. Дети и

подростки должны быть знакомы с важнейшими историческими фигурами своей страны. Выводы каждый сможет сделать для себя сам, но нужны информированность и культура независимого мышления. В школьных библиотеках должны стоять на одной полке книги с популярно изложенными биографиями тех людей, чей талант, преданность идеалам, работоспособность и мужество сильно повлияли на ход истории. Александр Невский, Михаил Ломоносов, Павел Пестель, Анна Ахматова, Петр Капица, Михаил Булгаков, Александр Солженицын (список далеко не полный) — и Андрей Сахаров. В нашем детстве нас пичкали какими-то суррогатами (список далеко не полный) — и Андрей Сахаров. В нашем детстве нас пичкали какими-то суррогатами (список далеко не полный) — и Андрей Сахаров. В нашем детстве нас пичкали какими-то суррогатами (список далеко не полный) — и Андрей Сахаров.

Я сейчас заканчиваю иллюстрировать маленькую книжку, которую написала для детей, — биографию Сахарова в разрезе драматичных и увлекательных событий XX века. Я была бы очень рада, если бы эта книжка появилась в школьных библиотеках — в ряду других биографий великих россиян.

— К 100-летию Сахарова в 2021 году готовится большая программа. Что будет в этой программе — и в рамках России, и в мировом масштабе?

— Сахаровский центр работает над многочисленными инициативами. Что удастся осуществить — увидим. По распоряжению президента РФ был создан официальный оргкомитет по проведению столетия А.Д.Сахарова под председательством президента АН РФ А.М.Сергеева. В комитет вошло много замечательных, деятельных людей. Естественно, Академия наук и Институт имени П.Н.Лебедева, где работал дедушка, примут активное участие. Будут празднования в Сарове, где Сахарова очень чтут как выдающегося физика-изобретателя, и в Нижнем Новгороде, с которым Сахарова связала судьба.

Надеюсь внести свой посильный вклад в работу оргкомитета. К проектам, которые я начала, относятся учреждение стипендии имени Сахарова для талантливых студентов — физиков-теоретиков на физическом факультете МГУ, где учился Сахаров. Другой проект также вызывает у меня огромный энтузиазм — планируемая выставка в Политехническом музее в Москве. А еще с большим нетерпением жду появления на свет нового документального фильма о Сахарове, который наиболее полно сможет рассказать о его биографии. Я принимаю посильное участие в координации лекций и слушаний, посвященных столетию Сахарова в разных странах. Думаю, интересным событием будет конференция в Европейском парламенте. Обсуждаются совместные планы с ЮНЕСКО и с рядом университетов в разных странах мира, а также выставки в различных музеях.

Наталья САВЕЛЬЧЕВА

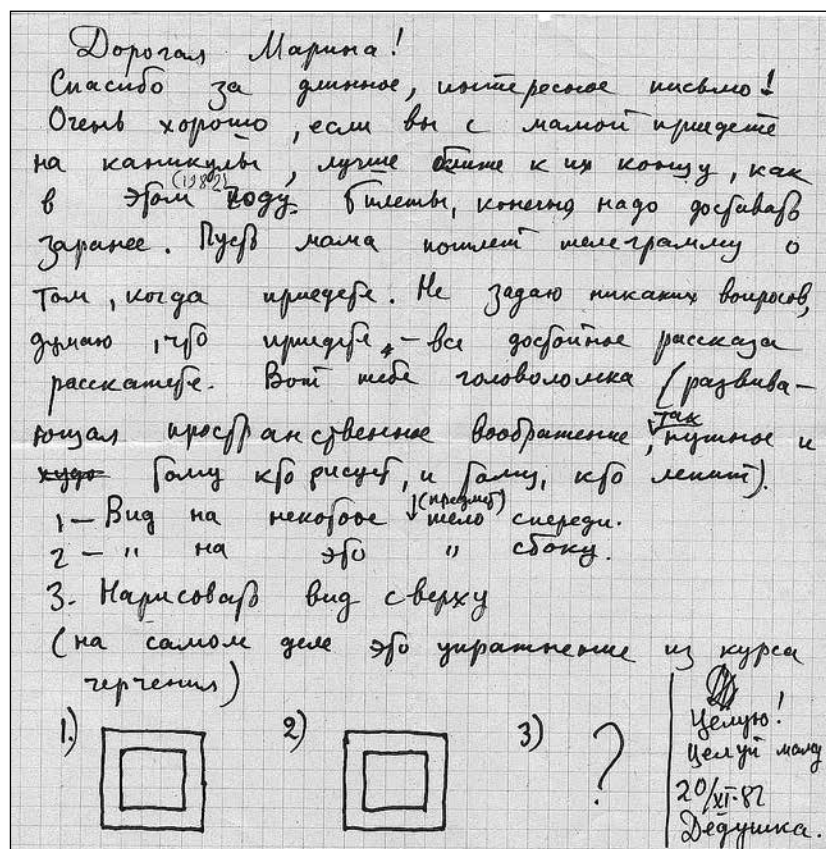
1. Физический институт АН СССР.
2. «Энигма» — переносная шифровальная машина, использовавшаяся для шифрования и дешифрования секретных сообщений в середине XX в.

На снимках: Андрей Сахаров. Фото Юрия Роста.

Марина с дедушкой Андреем Дмитриевичем Сахаровым, нач. 1980-х гг.

Марина Сахарова-Либерман, 2010-е, письмо А.Д.Сахарова из Горького, 1982 г.

Фото из архива Марины Либерман-Сахаровой

дид у меня на глазах. Я выбежала с экзамена со слезами на глазах — ведь Ленину дали золотую медаль, а его брат был приговоренный террорист... Много лет спустя я случайно встретила на улице состарившуюся уже учительницу по истории (у которой мне виделась совесть еще в случае с Чехословакией). «Марина, прости нас!» — у нее на глазах выступили слезы, и я не знала, куда мне деваться от ощущения дискомфорта и жалости.

И все же я не могу назвать эти мелкие неприятности — гонениями. Невозможно поставить их на одну доску со страданиями людей, отбывавших сроки в лагерях или психушках даже в годы застоя, не говоря уж о массовых репрессиях сталинских лет.

— На это время приходится скандальная статья в «Смене» о личной жизни Андрея Дмитриевича. Какая была ваша реакция? Повлияло ли на отношения с дедом?

— «Смена», если я правильно помню, перепечатывала клеветнические измышления Николая Яковлева, автора книги «ЦРУ против СССР», где особое место уделялось кампании против дедушкиной жены, Елены Георгиевны Боннэр. Это была далеко не единичная клеветническая публикация. Личную жизнь Сахарова скандальной никто не называл, но облить Боннэр ушатом грязи считалось «законным спортом» КГБ, в чьем досье дедушка проходил под кодовым именем «Аскет», а Боннэр именовалась «Лиса». Пожилая, больная женщина, инвалид войны противостояла всему аппарату КГБ! Можно только снять шляпу!

То, что советские публикации бессовестно врут, было для меня совершенно очевидно. Мне и в голову не приходило, что это могло бы как-

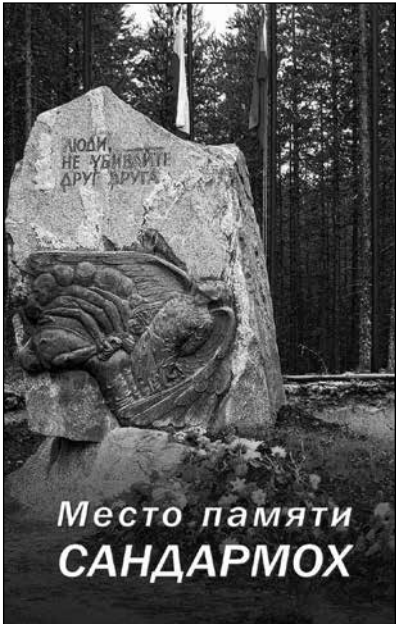
манником другого нашего известного соседа-виолончелиста — его дядя к этому моменту давно уже «не вернулся с гастролей», поэтому члены их семьи были такими же социальными изгоями, как и мы. А.Т. был старше меня и моложе моей мамы, но тем не менее мы любили все вместе гулять «по кружку» в нашем поселке. А.Т. казался мне очень глубоким и мыслящим человеком, и, кроме того, он очевидно хотел ободрить мою приунывшую маму. «Эта система полностью прогнила», — сказал он с убежденностью, — и скоро полностью развалится». Слова А.Т. блеснули для меня как луч надежды. Наш дальнейший разговор, включая его неожиданно точный для неэкономиста (театрального критика!) анализ влияния нефтяных цен на стабильность коммунистического режима, оказался пророческим.

В апреле 1985-го к власти пришел Горбачев, так что к моему поступлению в МГУ в июле того же года климат начал меняться. Меня не пытались «завалить» на экзаменах при поступлении: я набрала 19 из 20 баллов, а проходной был 14. С другой стороны, предполагаю, деканату сообщили органы, что политически правильно будет разрешить мне поступить.

В декабре 1986 года Горбачев позвонил дедушке в Горький и сказал, что он может возвращаться в Москву. Вскоре дедушка был избран народным депутатом от Академии наук и возглавил межрегиональную депутатскую группу, которая боролась за политические преобразования в СССР. В декабре 1989 года, тридцать лет назад, дедушки не стало. Он ушел из жизни в 68 лет, но напряженнейшая работа по созданию советского ядерного арсенала, голодовки, последние три года в вихре политических событий — все это состари-

НОВАЯ КНИГА ЮРИЯ ДМИТРИЕВА О САНДАРМОХЕ

➤ Окончание. Начало на с. 1

кован комплекс документов об исполнении приговоров в отношении 1800 узников Соловецкой тюрьмы госбезопасности. Из них 1111 человек расстреляны в Сандармохе. Завершают книгу журналистское расследование Анны Яровой «Переписать Сандармох» и рассказ Эмили Слабуновой «Сандармох как символ беззакония и произвола государства» — о попытках насадить в Сандармохе фальсифицированную историю и общественному противостоянию этим попыткам.

О том, как создавалась книга, рассказала дочь Дмитриева Екатерина Клодт: «Это была очень тяжелая работа в сложных условиях. Анатолий Яковлевич [Разумов] бегал по коридорам суда, пока папу вели и утрясали те или иные вехи. Потом возникли вопросы — и я ходила на свидания с этими вопросами». Она подчеркнула, что рождение книги подобно рождению ребенка. «Ты создаешь ее внутри себя, но не знаешь, какой она получится. И когда ты слышишь, что она напечатана, ты бежишь посмотреть:

какая она, как обложка, как картинка. Он (Дмитриев) очень переживал и очень хотел посмотреть, что же получилось», — отметила Екатерина Клодт.

На презентации проходило вручение экземпляров книги людям, сыгравшим значительную роль в выходе книги или судьбе самого Дмитриева. Как объяснил Анатолий Разумов, по его и Юрия Дмитриева мнению, книга получает путевку в жизнь, когда ее экземпляры передаются в семьи погибших, библиотеки и тем, кому небезразлична память о терроре.

Президент Фонда Солженицына Наталья Солженицына, получая книгу, в своей речи подчеркнула, что нет более подходящего момента для публикации книги, чем сейчас, когда во весь рост встала опасность ревизионизма советских репрессий: «Вообще подвергается сомнению, что все это было, сами цифры и то, что лю-

дей незаконно репрессировали. Коммунисты сейчас говорят: почитайте Шаламова — кто там сидел? Разбойники, воры, проститутки — там им и место». «Сейчас начинается новая битва — она уже идет. Дела наши острые, но расслабиваться нельзя — новый фронт открывается. Нужно набрать все силы и не расслабляться», — призвала Наталья Солженицына.

О ревизионизме говорила и Елизавета Перепеченко, родственница расстрелянного в Сандармохе известного адвоката Бобрищева-Пушкина. «Хорошо, что стали говорить об этом, хотя сравнительно недавно это было закрытой темой. Но есть разговоры о том, что сталинские репрессии были преувеличены — и эти разговоры печатаются даже в «Литературной газете». Опять стали подвергать сомнению эти расстрельные места — якобы немцы расстреливали там пленных красноармейцев», — подчеркнула она.

Председателю Правления «Международного Мемориала» Яну Рачинскому было «странно», что Юрия Дмитриева нет в зале. «Он долго

работал над тем, что должно было делать государство, что оно обязано делать, но ограничилось имитацией. А человек, который много лет провел за этим занятием, вместо благодарностей и орденов, которые нормальное государство должно было дать за подобную работу, получает такой вот ответ. Этот ответ характеризует и государство, которое было тогда, и то, которое мы имеем сейчас», — сказал он. Ян Рачинский, впрочем, заметил, что даже в самой ужасной ситуации бывает светлая сторона: «Юрий Дмитриев видит, сколько людей его поддерживает, сколько известных и знаменитых людей выступило в его поддержку. Я хочу надеяться, что эта поддержка будет результативной».

О поддержке говорил и директор Государственного музея истории ГУЛАГа Роман Романов, у которого при известии о втором деле Дмитриева сначала «опустились руки», но потом появилась благодарность к тем, «у кого руки не опускались». «И хотелось бы, чтобы мы не опускали свои руки, как не опускаются руки у Юрия Алексеевича [Дмитриева] выпускать книги. Надеюсь, что на следующей презентации Юрий Алексеевич будет вместе с нами», — заявил Роман Романов.

Экс-глава Совета по правам человека Михаил Федотов сказал, что из двух дел, с которыми связан Юрий Дмитриев, «одно [судебное] должно быть прекращено, а другое [поиск сведений о репрессированных] пусть продолжается всегда». Член Правления «Международного Мемориала» Сергей Кривенко отметил, что Юрий Дмитриев «держится, продолжает держаться и работать, и это дорогого стоит».

По мнению автора «Греческого мартиролога» Ивана Джухи, никто не сомневается, что Юрий Дмитриев победит. «Репрессии не закончены, пока мы не помянули имя последнего репрессированного. Говорят, что благородный муж любит знания. Именно таким вот благородным мужем и является Юрий Дмитриев», — заявил Иван Джуха.

Руководитель польской программы «Мемориала» Александр Гурьянов сказал, что пребывание Юрия Дмитриева в тюрьме

— «это каждодневная боль и чувство бессилия». «Все время кажется, что можно было бы сделать гораздо больше, но не сделали. И все время есть надежда, что Юрия Дмитриева удастся вытянуть из этой ситуации», — отметил он.

Алексей Нестеренко уже много лет выходит на пикеты с требованием мемориализации так называемого Расстрельного дома на Большой Никольской улице. Он считает, что Дмитриев «один из тех, кто не остановится до конца жизни».

Адвокат Дмитриева Виктор Ануфриев рассказал о втором деле Дмитриева, подчеркнув, что тот «не может признать вину, поскольку он таким образом оговорил бы себя — ведь он не совершал того, что ему приписывают». «Он настроен решительно и трезво — правда все равно восторжествует. Пусть не сегодня, но завтра!» — выразил надежду Виктор Ануфриев.

Отдельной темой на презентации стала ситуация в самом Сандармохе. Член Федерального политкомитета партии «Яблоко», депутат Законодательного собрания Карелии Эмилия Слабунова, общавшаяся с собравшимися по скайпу, рассказала о попытке регионального парламента включить Сандармох в перечень охраняемых памятников, о своем иске к Генеральной прокуратуре РФ и Прокуратуре Карелии за их незаконное бездействие во время раскопок¹ Российского военно-исторического общества в 2018 — 2019 годах. «Тверской районный суд Москвы отверг иск. Была подана апелляционная жалоба в Мосгорсуд. Но 15 декабря Мосгорсуд отверг ее в течение пятнадцатисекундного заседания. Как только мы получим мотивировочную часть решения суда, будем готовить кассационную жалобу и при необходимости — дальше, вплоть до ЕСПЧ», — рассказала Эмилия Слабунова.

«Все, что на протяжении этого времени я наблюдала в действиях надзорных органов, судебной системы, демонстрирует, что это государственная политика. И Сандармох — это не только место памяти, это сейчас то место, в котором государство пытается установить границы памяти всем нам. Конечно,

мы ни в коем случае не должны этого допустить. Будем вести борьбу до конца, надеяться на победу. Уверена, что границы нашей памяти мы определим сами. Кто в нашей истории является героем, а кто — злодеем, кто является переписчиком истории — это мы определим сами. Сандармох, я думаю, станет и местом гражданского действия, местом чести и обязательно станет и местом правды», — надеется Слабунова.

Максим Лягин, занимающийся установкой памятных табличек в Сандармохе, подчеркнул, что каждая табличка — это «оберег». «Это лицо Сандармоха. За каждой табличкой стоит человек или даже несколько», — отметил он.

Презентация не обошлась без скандала. В самом конце, отведенном на время для вопросов, поднялся юноша с деланным возмущением вопросивший, почему «раздуваются» цифры погибших, а организаторы презентации ничего не говорят о якобы захороненных там красноармейцах. Ему ответил Виктор Тумаркин, технический руководитель поисковых сайтов Объединенная база данных «Мемориал» и «Подвиг народа», подчеркнувший, что вся (!) информация о захоронениях военного времени в Карелии (в том числе и предоставленная финскими историками) выложена на сайте. «В Сандармохе нет этих захоронений», — подчеркнул он. Говоря о раскопках, проводившихся РВИО в Сандармохе в 2018 и 2019 годах, Виктор Тумаркин заметил, что перед такого рода раскопками обычно проводятся предварительные работы в архивах. «Здесь они не проводили никаких предварительных работ». Анатолий Разумов более эмоционально дополнил слова Виктора Тумаркина, назвав представителей РВИО «лжецами, занявшимися рейдерским захватом местности и памяти».

Еще один молодой человек, представившийся корреспондентом портала «История.рф» Никитой Бурановым, интересовался точными местами захоронения тех или иных людей в Сандармохе. Анатолий Разумов вежливо объяснил ему, что поскольку речь шла о месте массовых расстрелов, то установить места захоронения конкретных людей попросту невозможно и имеющиеся памятники и таблички носят символический характер, обозначая не точное место могилы, а то, что данный человек был расстрелян именно в урочище Сандармох.

28 января у Юрия Дмитриева был день рождения, что послужило поводом для многих общественных и культурных деятелей напомнить о его заключении со страниц сайтов, по некоторым радио- и телеканалам. В декабре 2019-го исполнилось три года со дня первого задержания Юрия Дмитриева. Следующее заседание суда по делу Дмитриева состоится 25 марта.

1. Раскопки РВИО в Сандармохе проходили в августе 2019 года и вызвали волну негативной реакции, об этом «30 октября» подробно писала в № 151.

На снимках: На презентации Книги Юрия Дмитриева — Екатерина Клодт, Сергей Кривенко, Наталья Солженицына и Анатолий Разумов

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

В ГОСТЯХ У СТАЛИНА

➤ Продолжение. Начало на с. 1

«Я не член КПРФ, куда мне, умирать пора. Но сейчас и молодые за него. Работы нет у многих, учеба дорога стоит. В КПРФ идут», — сказала она.

Один из молодых коммунистов в беседе не стал выражать собственного мнения о том, почему он пришел «к Сталину», а послал корреспондента к до-

кументам и решениям КПРФ». «Из них следует, что решение XX съезда КПСС полностью дезавуировано. В целом роль Сталина оценивается положительно. Хотя отдельные ошибки были!» — ответил он на вопрос о репрессиях.

Евгений Федорович представился просто «атеистом». «Я не член КПРФ, но за Сталина. Если бы социализм в России строил

Троцкий, то, я думаю, не то что от СССР, но и от России ничего бы не осталось. Главная заслуга Сталина — сохранил Россию», — убежденно заявил он.

Между тем у бывшего Музея Ленина на Манежной с давних пор стоят люди, которые распространяют литературу, пропагандирующую, скажем так, идеи русского национализма вкупе с православием.

РЕГИОНЫ

ЦЕНА ГОРОДА
ХИБИНОГОРСКА

14 марта 1930 г. — прибытие первого эшелона с раскулаченными (спецпереселенцами) — является памятной датой для членов Хибинского общества «Мемориал» и потомков спецпереселенцев. Изучение местных, региональных и федеральных архивов, документов треста «Апатиты» позволило подготовить этот исторический обзор.

С 1922 по 1929 год А.Е.Ферсману, руководителю геолого-минералогической экспедиции в Хибинах, от геологов-поисковиков постоянно приходят сообщения об открытии новых месторождений апатита — минерала, содержащего двуокись фосфора. Кроме апатита геологи находят и другие полезные ископаемые: молибден, сфен, пирротин, ловчоррит. Полностью все запасы апатита были на тот период неизвестны, но даже те данные, которые попадают в распоряжение руководителей страны, свидетельствуют о том, что найдено очень богатое месторождение апатита, запасы которого исчисляются сотнями миллионов тонн. Но что же делать с этими месторождениями? Либо добывать руду, как сейчас принято называть, вахтовым методом, то есть построить небольшой поселок рядом с месторождением, присылать смену рабочих, добывать руду и отправлять ее в Ленинград на переработку. Либо на пустом месте в условиях горной тундры строить город и обогащать руду на месте. Если строить город, то где? И где набрать жителей для этого города, каким транспортом, какой энергетикой все это обеспечить?

После долгих споров и ориентировочных подсчетов останавливаются на цифре 60 000 человек. Эта цифра звучит в отчетах Кировского райисполкома за 1935 год. Для города с таким населением необходима была соответствующая площадка. В 1929 году силами заключенных, присланных с Соловков, прорубается гужевая дорога длиной 22 километра от южных отрогов будущего рудника до развязки Белый Октябрьской железной дороги. Позже будет построена станция «Апатиты» южнее 2 километра. На добычу хибинских богатств по решению Ленинградского обкома КПСС С.М.Киров направляет большой контингент рабочей силы ГУЛАГа. Будущий трест «Апатит»

передается в ведение МВД и обеспечивается как промышленные, так и гражданские стройки будущих горнодобывающих и горно-перерабатывающих комплексов для освоения Кольского полуострова.

В процесс промышленного освоения Хибин как центральной части Кольского полуострова включаются трест «Апатит» (начальник В.И.Кондриков) и стройка №511 — совместно с силами ГУЛАГа они ведут строительство 2-го каскада Нивских ГЭС. На реке Нива будут построены 3 каскада гидроэлектростанций.

Непосредственно в систему треста «Апатит» входят отдельные лагерные пункты (ОЛП) № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9. Начальником Управления исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) становится полковник Драпкин, он же — заместитель управляющего трестом «Апатит». Его заместителем в Управлении ИТЛ становится подполковник Ф.К.Самоходов. Заместитель начальника ИТЛ по охране — майор Шкарбан.

В строительстве Хибинского участвуют не только спецпереселенцы, но и весьма значительный контингент политзаключенных. Их численность и роль в освоении Хибин предстоит выяснить, поскольку они проходят по ведомству НКВД. Однако ОЛП, принадлежащие тресту «Апатит», известны из городских архивов.

ОЛП № 1. Начальник капитан Зуев. 10 барачков располагаются рядом с Апатитовой горой в поселке Кукисвумчорр вдоль речки Лопарская, образуя затем ул. Комсомольскую. Его задачей становится обеспечение строительства Кировского рудника, добыча и отправка апатито-нефелиновой руды на фабрику.

ОЛП № 2. Начальник майор Рожков. Располагается в долине реки Юкспоррйок на северной подошве горы Айкуайвенчорр. Его задачей становится обеспече-

ние строительства ловчорритового рудника в ущелье Гакмана, строительство обогатительной фабрики на территории лагеря, добыча и отправка ловчорритовой руды на эту фабрику. В 1950-х годах он поставлен на освоение Расвумчоррского рудника ежедневно по 200–250 человек. Сам поселок располагается ближе к горе Юкспорр. Вообще долина реки Юкспоррйок мыслится под застройку самостоятельного и очень большого района будущего города. Планы большевиков срывают лавины, постоянно обрушивающиеся с гор Юкспорр и Айкуайвенчорр и сносящие в щепки все деревянные сооружения.

ОЛП № 3. Начальник мл. лейтенант Московкин. Ферма № 3. Обеспечение и разработка территории для будущего совхоза «Индустрия» и под будущие задачи, стоящие перед Министерством обороны.

ОЛП № 4. Начальник лейтенант Яковлев, Сумской Посад. Располагается в поселке Лоухи (Северная Карелия). Его задачей ставится обеспечение лесопоставок для нужд треста «Апатит».

ОЛП № 5. Начальник майор Суханов. Располагается непосредственно в Кировске (так с 1934 года стал называться Хибинский), недалеко от верхнего озера. Его задачей становится обеспечение строительства АНОФ-1, жилищное и дорожное строительство. В состав ОЛП № 5 входит БУР (барак усиленного режима) на 20-м километре за колючей проволокой.

ОЛП № 6. Начальник майор Смирнов. Располагается в поселке Титан, четыре барака. Его задачей становится строительство железной дороги и ее обслуживание, а также обеспечение лесопоставок для нужд стройки № 509 и нужд треста «Апатит». Однажды только на ремонт дороги от Апатитов до Титана было выведено 310 человек. Там же, на развязке Новый Титан, размещается ИТК № 6. Начальник майор И.И.Абрагимович.

ОЛП № 7. Начальник майор Лейн. Располагается в поселке Шонгуи (недалеко от Мурманска). Его задачей становится обеспечение треста «Апатит» глиной и кирпичом.

ОЛП № 9. Начальник капитан К.И.Малышев, Гридинский ЛПХ. Располагается в поселке Энгозеро (Карелия). Его задача — обеспечение лесопоставок для нужд треста «Апатит».

По мере освоения транспортной магистрали в сторону Мурманской железной дороги выявляются перспективные пункты территории для заселения. Первым таким пунктом становится 13-й километр. Удобное место. От железной дороги половина пути до апатитовых разработок. Также узловой пункт для освоения всего Кольского полуострова в восточном направлении. Этот поселок сыграет огромную роль в качестве перевалочной базы для дальнейшего расселения прибывающего населения и вообще освоения Кольского края. Необходимо было подыскать места для расселения вольнонаемных, спецпереселенцев и лагерного населения с его охраной. Самым лучшим местом из всей территории оказывается 19-й километр у истока реки Энеманйок. Питьевая вода близко, железная дорога рядом, территория сухая, местность открытая, всегда обдуваемая ветром — подспорьем от комаров. 19-й километр отдается вольнонаемным и управлению треста «Апатит». Спецпереселенцам отдается 20-й километр — территория между двумя отрогами западного склона горы Айкуайвенчорр (болото и комариный край).

16-й и 18-й километры предполагались в качестве южной границы постоянного проживания горжан. Места выбираются в первую очередь из расчета обеспечения населения водой в необходимом количестве.

Первые этапы спецпереселенцев (мартовский, майский и июньский

— всего 4347 человек) пешком добирались до Хибинского (20-й километр).

Для быстрого строительства жилья используют палатки и временные сооружения, позднее названные шалманами. Шалман — это несущий каркас, построенный из бревен. Вдоль каркаса по обе стороны от прохода устраиваются нары. Все это сооружение обносится толью (тогда рубероид только создавался, более распространена была толь — строительный покрывной материал для гидроизоляции толщиной 1,5 мм, пропитанный водоотталкивающим кузбасслаком). Два выхода по обеим сторонам шалмана, закрываемые дверями того же состава, и две печки-бочки с подогревом воды и обогревом этого жилого дома-сооружения. На нарах ставятся на ребро доски, ограничивающие жилое пространство одной семьи. Туалетов, естественно, не было. Попытки их сооружения были сделаны, но явно в недостаточном количестве: 125 человек на одно очко-дыру на возвышении в сарае, построенном в сторонке от шалмана.

Количество людей, проживающих в шалмане, достигает 40–60 человек. В таких условиях начинаются эпидемии. Чтобы люди могли жить даже в таком жилье, необходимо было соорудить, кроме палаток, не менее 300 шалманов в разных опорных пунктах заселения. Эти так называемые жилища существовали до 1933 года, приютив на 3 года около 16 500 человек.

14 марта прибывает первый эшелон (телячьи вагоны) со спецпереселенцами (раскулаченными крестьянами со всей страны) в количестве 718 человек. С мая 1930 года начинают прибывать еще спецпереселенцы в следующем количестве — в таблице представлены данные прибытия эшелонов со спецпереселенцами в 1930 году.

Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сент.	Окт.	Ноябрь	Дек.
18	0	188	782	2519	2816	5738	1906	0	1562

Часть присланных направляется в трест «Апатит», часть — на строительство города Хибинского, другая часть — на освоение других мест обитания.

Основной контингент спецпереселенцев состоит из малограмотных крестьян, не знакомых с гор-

нячкой профессией и городским жильем. Если их деревня насчитывала всего до сотни жителей, проживавших каждый в своем доме, то здесь их ждет шалман, где они должны были жить все вместе. Трудно представить психологический климат в шалмане. Выжить в этих условиях мог помочь только высокий нравственный уровень. В первую очередь — разумная терпимость и высокое трудолюбие. Тех, кто не выдерживал этих условий, шалман просто выгонял на мороз, где они замерзали. Первая зима 1930–31 года, в условиях жестких пронзительных ветров и постоянных холодов с сентября по май, была, по свидетельствам самих обитателей шалманов, самой ужасной.

С самого момента заселения в шалманы мужики сколачивают бригады строителей, которые приступают к строительству рубленых домов и барачков — и то после основной работы. Стройка закипела одновременно на всех километрах. Рубленые дома отдаются вольнонаемным, а бараки — спецпереселенцам. Каменные дома — специалистам треста «Апатит» и руководителям города. К 1934 году население Хибинского достигает 53 700 человек. Горкомхозом водопровод запускается только в 1933 году. А до тех пор два года воду носят ведрами из ближайших речек и ручьев. В планах Горкомхоза зимой 1931–1932 годов стояло уничтожение всего палаточного фонда, на 50% — шалманов, землянок и полубарачков с переселением жителей города во вновь выстраиваемые бараки и рубленые дома.

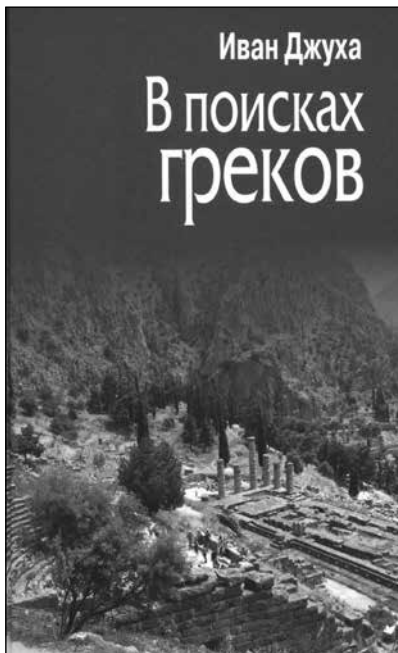
Организациям рекомендуется построить свои дома и переселить туда людей.

Из «Постановления Президиума Ленинградского Облсполкома № 2785 от 3.11.1932 г., т. Зернов»: «...25 июля 1932 г. Президиум

«В поисках греков» — новая книга исследователя депортаций советских греков Ивана Джухи стала восьмой в серии «Греческий мартиролог». Но до нее вышло еще много других книг. Так что презентация новой книги стала промежуточным подведением итогов по греческой теме, которой автор отдал последние 43 года.

КНИГА О ТОМ, КАК Я ИСКАЛ ГРЕКОВ

«Картина произошедшего в 1937–1938 годах после прочтения «Архипелага ГУЛАГ» была понятна. Масштабы предстали ужасные. Теперь мои личные, родовые потери стали частью глобальной всеобщей катастрофы. Стало ясно, что мой род, мой народ разделили участь всего советского народа... Очевидным стало и то, что власти всеми силами пытаются скрыть правду от людей», — пишет в новой книге «В поисках греков» Иван Джуха.

Ему часто задавали три вопроса: «Сколько всего греков было репрессировано? Какова была причина этих репрессий? Что побудило вас заняться этой темой?» У него есть ответы на первые два вопроса. Число репрессированных в «Греческую операцию» 1937 года он оценивает в 13–14 тысяч человек, а количество репрессированных в 1942 и 1949 годах — в 61 тысячу человек.

В ответ же на третий вопрос Иван Джуха процитировал пролог своей книги: «В истории каждого народа есть свои трагедии. Для тех, кто пережил ее, она — факт их персональной судьбы,

для их детей — страница семейной истории, для далеких потомков — кусочек из биографии народа... Оставленная без внимания, история трагедии с течением времени начинает обрастать легендами с хорошими шансами превратиться в миф. Есть такая трагедия и у советских греков. Но странное дело: о ней до недавнего времени не было ни книг, ни песен, ни баллад... Когда я перешагнул через пятидесятилетний рубеж, то в полной мере осознал нелепость такого положения. Это книга о том, как я искал греков... Я искал живых и мертвых. Причем иногда от мертвых узнавал больше, чем от живых».

Иван Джуха заметил, что, очевидно, является «представителем последнего поколения — поколения внуков, которым еще интересна эта тематика». Он просит детей репрессированных рассказать о своих родителях и задает вопрос: «Насколько эти сын или дочь готовы вспоминать то, что, может быть, хотелось бы забыть».

Новая книга Джухи во многом автобиографична, в ней также рассказывается о людях, «благодаря которым я рос, — моих учителях по жизни», пишет он.

Для Ивана это личная история. В его селе арестовали 150 человек в декабре 1935 года, из них 147 человек расстреляли в первый же месяц. Такую же статистику Джуха приводит и по другим греческим селам Приазовья. «В них было много рыбаков, рабочих. Моя первая книга посвящена истории греческих сел. Моего деда обвиняли в шпионаже в пользу греческого короля, он подписал протокол, в котором только понял слово «король». Он играл в карты, как любой мужчина, и слово «король» означало для него лишь достоинство карты. Они уже двести лет жили на территории СССР, и связей с исторической родиной не было никаких», — рассказывал в 2005 году Иван Джуха, в статье опубликованной «Сегодняшней газетой».

Если о войне говорят, что она не закончена, пока не похоронен

последний солдат, то репрессии не закончены, пока не реабилитирован последний репрессированный. Иван Джуха отметил, что государство в отношении этой проблематике «умыло руки», сочтя, что с постройкой памятника на Садовом кольце оно свою миссию выполнило.

Исследователь подчеркнул, что статистика репрессированных неполная, поскольку открыты еще не все архивы. Кроме того, по его словам, далеко не все репрессированные реабилитированы. В 2008 году, работая в Магадане с фондом так называемого «Архива-3 УВД», где сосредоточены дела умерших в лагерях, Иван обнаружил 40 дел греков, где отсутствовала справка о реабилитации. «Не исключаю, что были и еще такие дела», — сказал он.

При этом Джуха отметил, что, поскольку он независимый исследователь, его практически не коснулись проблемы, связанные с преследованием НКО властями, «хотя сворачивание доступа к архивным документам начинает ощущаться».

Сложнее всего историку было работать в архивах МВД РФ. «В архиве ФСБ работают по закону. Если что-то положено выдать — выдают или рассекретят по письму», — говорит Иван Джуха. Наилучшие же условия, по его мнению, были в архиве Службы безопасности Украины: «Там моей помощнице дали возможность сфотографировать и переслать мне по электронной почте все материалы по «греческой операции» 1937 года. А в Центральном архиве ФСБ фотографировать и копировать не разрешают. Все 133 протокола по той операции, присланные из Омска, мне пришлось тупо вбивать в компьютер».

Историк рассказал об одном знакомом, который до прочтения его первой книги о репрессированных греках, был сталинистом. Когда он прочел книгу, то снял портрет Сталина с ветрового стекла автомобиля и вычеркнул его из числа своих кумиров. «Когда я узнал

об этом, то понял, что моя миссия выполнена. Я знаю своего читателя, и я хотел бы, чтобы мои соотечественники поняли, что Сталин — палач, а коммунизм — это зло», — заключил он.

Иван Джуха планирует переговоры о судьбе собранного архива, который включает и семейные материалы, и документы по истории репрессий, истории диаспоры. «Я хочу передать его Фонду Онассиса, или Национальному архиву Греции, или Бохумскому университету в Германии на вечное хранение с условием, что они обеспечат продолжение поддержки проекта», — сказал он.

В июле 2020 года Иван собирается в Карелию, чтобы установить памятник грекам-узникам Беломорканала и Соловецкого лагеря. Также планирует экспедицию на Колыму для съемки фильма. Кроме того, в настоящее время он занят написанием книги «Граждане Греции в ГУЛАГе», которая должна выйти в 2020 году на греческом языке в издательстве «Кастаньотис».

Редактор трех последних книг Инна Ряховская отметила, что та огромная работа, которую провел

исследователь, «чтобы вернуть из небытия эти фамилии, — настоящий подвиг». Еще один выступавший, друг Ивана Джухи Вячеслав Котанов, также говорил об «огромном труде и огромном желании изучить эту историю» со стороны исследователя.

На презентации присутствовали всего 15–20 человек. Иван Джуха шутил предположил, что люди просто устали от многочисленных презентаций. Корреспондент «30 октября» поинтересовался у посетителей, почему они пришли на презентацию. Оказалось, что у Сергея Кольцова и Людмилы Бараховой был репрессирован дедушка-грек, у Ивана Амириды — прадедушка.

«В принципе, эта тема необъятна. Может быть, я напишу одну книгу, может быть — еще восемь», — заключил Иван Джуха.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Иван Джуха рассказывает о новой книге.
Фото автора

ДОРОГОЙ БРАТ НИКОЛАЙ

Знание семейной истории позволяет лучше увидеть масштаб трагедии страны, отраженной в судьбе конкретного человека. Автор этого материала, Владимир Николаев, написал в «30 октября» о трагической судьбе своего родственника — двоюродного прадеда, калужанина Дятлова Николая Васильевича. Его, по словам автора, «в лютые годы сталинского террора спасала только вера в Бога».

Моя покойная двоюродная прабабушка, славный орденосносец, ветеран Великой Отечественной войны, знаменитый в Калуге фармацевт Анна Васильевна Дятлова, которая принимала участие в моем воспитании и становлении, рассказала в свое время о трагической судьбе своего родного брата, Дятлова Николая Васильевича. Прабабушка Аня называла его «Дорогой Брат Николай». Другие мои родственники, которые его застали при жизни, звали его «Дядей Колей» и особо не любили рассказывать о тех ужасах, которые он пережил в 1930–1950-е годы.

Буду так же его называть с большой буквы — Дядя Коля.

Он родился в мае 1899 года в Калуге, в многодетной городской мешанской семье, имели собственный дом на улице Космодемьянская, прямо напротив старинного прекрасного храма Космы и Дамиана, украшающего Калугу и сейчас.

Семья была, как и почти все семьи того, царского, времени, многодетной — в ней росли пятеро детей. Родители были очень строгими и почтенными.

Отец Дяди Коли, мой прапрадед Дятлов Василий Максимович, ра-

ботал железнодорожным кондуктором и, зарабатывая всего 28 царских рублей в месяц, один кормил и содержал семью из семи человек — себя, жену и детей.

Мать Дяди Коли, моя прапрабабушка Акилина Ивановна Дятлова, была домохозяйкой, на плечах которой лежала тяжесть забот о детях и муже и все домашнее хозяйство, включая громадный сад, подсобное хозяйство, живность.

В семье царили строгие законы воспитания, набожность и безукоризненное уважение к старшим. По рассказам прабабушки Ани, которая была единственной сестрой для своих братьев, все они, включая Николая, облачаясь в стихари, участвовали в богослужениях в храме Космы и Дамиана, читали Шестопсалмие на всенощной и даже Апостол на литургии.

Аня любила Дядю Колю больше других братьев, называя его

